

? S'omstexantetto, ? Peča-Kynsma, ? Lax'uk-n'u (vyshe: Lax'ug-n'u), ? Latn'umos'en'u + Kaхä-n'u	+ kuLy (не kuLty!) + ноха ? Tas'ka
---	--

Литература

1. Lehtisalo T. Juraksamojedisches Wörterbuch (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XIII). Helsinki, 1956.
2. Бармич М.Я., Вэлло И.А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект). СПб., 2002.

С.В. Глушков

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ СЕЛЬКУПСКИХ ТЕРМИНОВ

Томский государственный педагогический университет

Работа Ю.И. Ожередова «Гидроним Кенга в системе тюркоязычной топонимики» отчетливо показывает стремление автора к комплексному привлечению археологических, этнографических и лингвистических данных при решении вопросов происхождения аборигенных народов Западной Сибири [1]. Пожалуй, на этом положительными свойствами данной работы исчерпываются. Комплексный анализ указанной проблематики мог бы только радовать, если бы производился с должной тщательностью и характеризовался необходимой осторожностью выводов. В данной работе наблюдается попытка обосновать наличие общего компонента в формировании этносов селькупов, кетов, шорцев и хантов, оперируя одним единственным рядом сходных, как кажется автору, элементов русских адаптаций аборигенных терминов.

В указанной работе Ю.И. Ожередов утверждает, что «появилась информация о неких легендарных предках селькупов – киенкумах, родиной которых была мифическая страна *Киенга* (*Кенга*), а мифологический путь завершился на небесах, превращением в “народ солнца”» [1, с. 370]. Кроме того, следы присутствия указанных киенкумов «помимо селькупов, выявлены у сопредельных хантов, шорцев и кетов. При этом наиболее сильное проявление черт киенкумов отмечено у кетов и, в значительной мере, у шорцев» [1, с. 370].

Если не принимать во внимание ссылки на тексты Авесты, занимающие значительный объем содержательной части рецензируемой работы (более трех страниц), то доказательство вышеназванных утверждений основывается на следующем наблюдении автора: имеются русские адаптации селькупских, кетских, шорских и хантыйских слов с элементами кан-/кен-/кён/киен-/кин- (или их вариантов, число которых весьма многообразно; например, ссылаясь на Г.И. Пелих, автор в этот же ряд вводит и элемент кайен- из хант. *kajena|julk* – сохранено написание источника [1, с. 374]). Имеется также ука-

зание, что «перечень названных в работе терминов на *кенга-канга*, безусловно, можно продлить. Находки в этом направлении А.М. Малолетко, Ю.Р. Кисловского и других исследователей расширяют территорию его бытования в южные районы Горного Алтая, вплоть до Телецкого озера (Канкисан) и на восток, практически до Енисея» [1, с. 374].

Вероятно, Ю.И. Ожередов полагает, что указанные элементы проявляют некоторую производительную близость, а иначе чем можно объяснить их сопоставление, проводимое в рецензируемой работе? Однако эксплицитно мнение автора в этом отношении не выражено, а фонетических обоснований для сопоставления данных элементов в тексте работы не представлено. Также отсутствуют какие-либо лингвистические указания на возможность сведения представленных элементов к форме *кенга/канга*.

За неимением каких-либо иных пояснений приходится считать, что автор на огромной территории выбирает русские адаптации аборигенных терминов с вышеназванными элементами (что делает весь дальнейший анализ бессмысленным); без представления каких-либо доказательств (т.е. голословно) привязывает эти русские адаптации именно к селькупскому, кетскому, шорскому или хантыйскому языкам; без представления рядов фонетических соответствий *а~е~ё/ие~и* указанных языков (т.е. умозрительно) сводит вышеозначенные элементы (русские адаптации!) именно к формам **кенга/*канга*. На основании этого делается вывод об общих предках указанных народов.

Необходимо понимать, что в русской графике знаки *е* и *ё* часто взаимозаменяемы. Именно этим обусловлена частая подмена в рецензируемой работе наименования гидронима *Кёнга* на *Кенга* (произношение через [ы] произношением через [е]). Русская адаптация селькупского наименования данной реки в виде *Кёнга* (в графике – *Кенга/Кёнга*) «скрывает» под собой селькупское *knnga*,

т.е. в действительности на основании данного случая соответствие имело бы вид: не а~е, а а~п; последнее более сомнительно и требует дополнительных примеров в качестве доказательств. Привязка русской графической адаптации селькупского *kɲga* в виде Кенга (через [е]), к русским адаптациям типа кан-/кен-/киен-/кин- из других языков может делаться крайне осторожно, на основании наличия фонетических соответствий между селькупскими словами и словами других языков, а не на основании имплицитно полагаемой близости русских адаптаций.

В среде селькупов р. Кёнга еще сохранилось другое название гидронима – *t'ɲga*, что отражает чередование *k~t'*, характерное для селькупского языка. Возникает резонный вопрос – почему автор рецензируемой работы никоим образом не поясняет свою приверженность только одному из вариантов названий данного гидронима? Не потому ли, что другой вариант менее удачно вписывается в его теорию?

Остается также неясным, какая логика приводит автора к неожиданному выводу о безусловной ираноязычности селькупского термина «Кёнга» [1, с. 374–375]. Если автору известны фонетические ряды соответствий, то их необходимо представлять; единичные примеры, как правило, являются случайными совпадениями (например, вследствие того, что количество фонем в любом языке всегда меньше, чем количество слов), крайне сомнительны и не могут служить основой для серьезных выводов.

Стоит отметить, что рассматриваемая работа является уже не первой в ряду подобных исследований Ю.И. Ожередова в области истории культур Сибири, в которых привлекаются лингвистические данные (см., напр.: [2, 3]), поэтому существенные ошибки в части языкового анализа (которые были бы простительны при первом исследовании)

начинают вызывать неприятие такого рода изысканий. Так, описывая могильник Кустовской курганной группы Нарымского Приобья, автор указывает буквально следующее: «Могильник располагался в среднем течении р. Кёнга, правого притока р. Парабель, в свою очередь являющейся левым притоком р. Обь. Памятник оставлен представителями локально-диалектной группы селькупов *шиешгула* и формировался в рамках XIII–XVII вв.» [3, с. 224]. Непонятно, почему автор приводит именно такой этноним, игнорируя, таким образом, языковые данные. Район рек Кёнга и Парабель традиционно является местом проживания нарымских селькупов (самоназвание – *чумылькуп*), а все известные лингвистические данные вполне однозначно свидетельствуют о диалектной принадлежности селькупов Кёнги к чумылькупскому ареалу. Самоназвание кёнгинских селькупов *č'om2l' ʔup*, т.е. – чумылькуп, а никак не шиешгула (<шешкуп).

В другой работе Ю.И. Ожередов пишет: «Не исключено, что с нижним миром мертвых предков связано селькупское божество Кандальдук. Об этом можно судить уже из этимологии слова, означающего Корневой старик» [2, с. 246]. В селькупских диалектах, действительно, можно найти различные варианты произношения мифологической лексемы «Корневой старик», вот некоторые из них: *kont2j ira·/ konW2l ira·/ konW2l' ira·/konW2l' ara·/konW2j irre·* (т.е. контый ира/конджил ира/конджиль ира/конджиль ара/конджий ирре и др.), но форма Кандальдук, приведенная автором, – это, скорее всего, *kont2l' tuk* «корневой жук», а не «старик»!

Таким образом, применяемый Ю.И. Ожередовым метод в лингвистическом отношении неверен и не позволяет ни доказывать заявленное утверждение о наличии общего предка у селькупов, кетов, шорцев и хантов, ни тем более реконструировать его наименование в форме – киенкум.

Литература

1. Ожередов Ю.И. Гидроним Кенга в системе тюркоязычной топонимики // Тюркские народы: Мат-лы V Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2002.
2. Ожередов Ю.И. К вопросу о Западно-Сибирской монументальной культовой скульптуре из дерева // Проблемы документации исчезающих языков и культур: Мат-лы междунар. конф. «XXI Дульзоновские чтения». Ч. 1. Уфа, 1999.
3. Ожередов Ю.И. Столб в погребальном обряде шиешгула // Самодийцы: Мат-лы IV Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2001.